

ОН БЫЛ ТАКИМ, КАКИМ ЕГО ЗНАЛА ВСЯ ПЛАНЕТА

12 апреля этого года исполнилось 45 лет со дня первого космического полёта Юрия Алексеевича Гагарина. Но до сих пор вокруг его имени не утихают споры. Какой он был, что любил, а что нет! Об этом, наверное, могут рассказать

только те люди, с которыми Ю.А.Гагарин часто встречался и дружил. Одним из них был Иван Григорьевич Борисенко. Вот что он вспоминал о своих встречах с первым космонавтом.

Валерий Агеев

Со всеми претендентами на космический полёт я увиделся в феврале 1961 г. у генерала Н.Каманина. Это были Ю.Гагарин, Г.Титов, А.Николаев, П.Попович, В.Быковский, Г.Шонин. Кого-то выделить из них в тот момент я не мог, потому что они не произвели особого впечатления. Все претенденты оказались небольшого роста, худые, не богатыри, одним словом. Посмотрел я на них и подумал: «Ну, куда вам, ребята, в космос! Вас сначала надо откормить, а потом уже запускать». Но вслух ничего не сказал.

Оказался я у Н.Каманина совсем не случайно, потому что был в то время спортивным комиссаром центрального аэроклуба им. В.П.Чкалова. Имел опыт судейства соревнований по самолётному спорту, знал требования международной федерации о правилах регистрации рекордов и космических достижений и, самое главное, у меня был допуск на проведение особо важных работ. Его получил, когда служил в тогдашней авиационной дивизии особого назначения, которая обслуживала полёты членов правительства и политбюро.

Приходилось очень много ездить по стране, причём, как человека военного, меня могли вызвать на службу и днём, и ночью. Поэтому я особенно не удивился, когда был однажды приглашён к начальнику авиационной подготовки: Он сказал: «Вам, товарищ подполковник, срочно надо отправиться в главный штаб ВВС, к генералу Каманину. Зачем, он там вам сообщит».

Николай Петрович при встрече произнёс короткую, но важную речь: «Всё, что здесь вы услышите, совершенно секретно. Вы не должны об услышанном ни с кем говорить и ничего не обсуждать. В качестве официального представителя международной организации ФАИ будете присутствовать при запуске советского человека в космос. Куда хотите поехать, Иван Григорьевич, на старт или приземление?»

Я, недолго думая, сам не знаю почему, ответил: «На приземление!»

«Хорошо, на старт поедет ваш товарищ В.Плаксин».

Так я попал в специальную техническую комиссию по регистрации полёта и приземления первого космонавта. В неё включили авиационного врача В.Воловича, специалиста по жизнеобеспечению А.Бахрамова, кинооператора М.Рафикова и меня. В нашу задачу входила встреча космонавта при приземлении, оказание ему, если понадобится, технической и медицинской помощи, а так-

же регистрация, согласно правилам ФАИ, космического корабля и рекордов, если они будут.

10 апреля 1961 г. мы облетели предполагаемый район приземления космонавта, определили объём работы. За день до старта повалил снег, но, к нашей радости, он не продержался долго и растаял к полудню. 12 апреля 1961 г. был прекрасный солнечный день.

Я не присутствовал при старте корабля «Восток», но за полчаса до приземления наш вертолёт поднялся в воздух, и мы до рези в глазах стали вглядываться в иллюминаторы: может, увидим парашют спускаемого космического аппарата. Но, к моему сожалению, момента приземления не видел.

Правда, вертолёт оказался на самом близком расстоянии от места посадки «Востока», и я вскоре встретился у космического корабля с Юрием Гагариным. Хотя мне очень хотелось обнять Юру, но я сдержал себя и стал выполнять те действия, к которым меня обязывал кодекс спортивного судьи: проверил и записал номер удостоверения космонавта, зарегистрировал в специальном бланке фамилию, имя, отчество его и время приземления. Проверил также и опознавательные знаки космического корабля.

Вид у Гагарина после полёта был, честно говоря, усталый. Наверное, несмотря на его феноменальную выдержку, он здорово переволновался. Действительно, стартуя в неизведанное, Юра не имел никаких гарантий на благополучное возвращение, потому что ни один специалист этого не мог ему обещать. Да и мне тогда было не до анализа чувств и переживаний Юрия Алексеевича. Я регистрировал первые абсолютные мировые космические рекорды, которые он установил: по продолжительности полёта - 108 мин., по высоте полёта - 327,7 км и поднятю максимального груза на эту высоту - 4725 кг.

Затем вместе с Ю.Гагариным мы пошли к самолёту Ил-14. Там, в салоне, врач В.Волович осмотрел Юрия, проверил давление, пульс. Всё оказалось в норме. В самолёте мы наперебой задавали первому космонавту вопросы, как он чувствовал себя во время полёта. Ю.Гагарин отшучивался, как мог, а потом ответил мне: «Иван Григорьевич, вы сами туда слетайте, а потом ответьте на мои вопросы».

По его голосу я понял, что он всё ещё переживал перипетии своего исторического полё-

мых. Но никто не знал о том, какая из них настоящая. Так, например, учёные предполагали, что при спуске космического корабля в плотных слоях атмосферы к его корпусу могла привариться крышка люка, из которого должен был выходить космонавт, и при посадке он мог погибнуть от перегрева. Поэтому предусматривался принудительный отстрел этого люка на высоте 7000 м, катапультирование космонавта и приземление его на парашюте. Так это и произошло на самом деле.

Хотя корабль и Ю.Гагарин приземлились совсем рядом, всё-таки это было небольшим отступлением от условий международной организации ФАИ. Я знал об этом, и когда меня пытались заставить подписать акт с формулировкой о посадке космонавта, находящегося внутри корабля, сразу категорически отказался.

Только после долгих споров и дискуссий родился документ, который я смело подписал. Привожу его дословно: «12 апреля

1961 г. Я, нижеподписавшийся спортивный комиссар ЦАК им. Чкалова Борисенко И.Г., свидетельствую, что 12 апреля 1961 г. в 10 ч 55 мин. московского времени в районе села Смеловка Терновского района Саратовской области приземлился космический корабль-спутник «Восток» с лётчиком-космонавтом Гагариным Юрием Алексеевичем.

та, не осознавая того, что совершил величайший подвиг. Наверное, Юра это понял только тогда, когда по красной дорожке шёл рапортовать членам Советского правительства о выполнении своего фантастического задания.

Полёт в космос тогда таил в себе множество опасностей - и действительных, и мни-

Видите, какой тонкий оборот речи! Хотя я не понимаю до сих пор, зачем было «копья ломать». Ведь Ю.Гагарин всё-таки на самом деле слетал в космос, приземлился, и какая разница, как это произошло. Подвига его этот факт, во всяком случае, совсем не умалил.

Ю.Гагарин после полёта совсем не изменился. Он остался таким же приветливым и доброжелательным, правда, не ко всем людям. Юра хорошо в них разбирался, чувствовал, кого поддержать, а кому мягко, тактично отказать. Наверное, всё хорошее было у него от матери, Анны Тимофеевны. Я её близко знал и дружил с ней. Анна Тимофеевна часто говорила: «Не зазнавайся, сынок, не зазнавайся», хотя сын никогда и не давал повода для этих слов. До конца своей жизни он оставался таким, каким его знала вся планета.

АКО